

С МЕЧТОЙ, СЛОВАРЁМ И ОТВАГОЙ

Ключевые слова: советские военные переводчики, Афганистан, Мали

Олега Кузьмина, студента, только что перешедшего с III на IV курс ИСАА МГУ, где он изучал языки дари и пушту, в конце лета 1979 г. пригласили на Старую площадь в Москве. Инструктор ЦК КПСС сообщил о решении направить его в Демократическую Республику Афганистан в качестве переводчика.

«Какое Ваше мнение по этому вопросу?» - вежливо спросил меня инструктор. «Конечно, да!» - был ответ. А каким иным он мог быть? Я ведь был и остаюсь востоковедом, в то время изучал языки Афганистана и мечтал увидеть эту страну.

Вместе со мной в разные провинции Афганистана были направлены еще пятеро моих товарищей-однокурсников из нашей языковой группы. Мне предстояло работать в Газни.

С БРОНИ РАЗДАЛАСЬ РУССКАЯ РЕЧЬ...

В Кабуле, куда мы прилетели в начале сентября, меня познакомили с советником, к которому я был «прикреплен» в качестве переводчика. Это был второй секретарь одного из райкомов областного города на западе России.

Обстановка в городе была спокойной. Местные жители принимали советских людей - «шурави» - по-братски. Скоро из столицы нас отправили в город Газни с населением около 60-70 тыс. человек примерно в 120-140 км к юго-западу от Кабула. В этот провинциальный центр из столицы ведет дорога, серпантинном протянувшаяся сначала через горы, затем спускающаяся в долины, а затем - снова в горы.

Продолжение. Начало см.: Азия и Африка сегодня. 2013, № 2.

В аэропорту нас вместе с группой афганцев - гражданских и военных - посадили на борт старенького «Ан-2». Именно на этом «небесном тихоходе» в небе над Газни принял я, если можно так сказать, свое боевое крещение.

Самолет летел метрах в пятистах над дорогой, используя ее в качестве ориентира. Через полчаса я увидел в иллюминатор внизу, на дороге, колонну военных машин. Летчик-афганец выглянул в салон и прокричал сквозь гул мотора: «Держитесь крепче!» Ремней безопасности в самолете не было, мы ухватились за прикрепленные к бортам железные скамейки, на которых сидели. Ан-2 резко пошел на снижение.

Тут в салоне появился второй пилот с огромным, как мне показалось, пулеметом - ДШК. Летчик открыл дверь самолета, вынул ствол пулемета и стал поливать длинными очередями какие-то цели внизу. Отстрелял весь боезапас, потом перезарядил ДШК и снова открыл огонь, а самолет тем временем делал большие круги над дорогой.

Грохот в салоне стоял чудовищный, старенький биплан трясся, как будто заболел малярией. Наконец пальба окончилась, и Ан-2 снова набрал высоту. Я спросил у второго пилота, в чем дело? Тот пояснил: «Наша колонна шла на Газни, а ее атаковал отряд *ихваньюн*» («братья-мусульмане» - радикальные исламисты, как и талибы сейчас).

До Газни долетели благополучно. Нас встретили и поселили в резиденции губернатора провинции, на окраине города, недалеко от аэродрома. Куда ни бросишь взгляд - повсюду засушливая земля, пустынные долины, невысокие горы, зелени практически никакой, только вокруг городов небольшие посадки деревьев.

Газни - одна из типичных афганских провинций, местное население занимается сельским хозяйством - в той степени, в какой им позволяет здешняя суровая природа. Газни - это и своеобразная перевалочная база для кочевых племен, которые перегоняют скот, в зависимости от сезона, из Пакистана в Афганистан и обратно.

Большинство населения - пуштуны. Со временем я познакомился ближе со многими из представителей этого племени, и стал искренне уважать их. По натуре своей они открыты, верны слову, ценят дружбу, но не дай Бог поступиться с ними несправедливо - пуштуны обиды не забывают и стремятся отомстить обидчику.

Бытовые условия наши были близки к спартанским. Резиденция местного губернатора была отнюдь не дворцом - обычный для Газни афганский дом, только большой, двухэтажный. На каждом этаже по десятку комнат. Вокруг - высокая стена, внутри небольшой дворик, пара деревьев, колодец, небольшой огород, на котором выращивали овощи - довольно чохлые.

Обедали и ужинали мы вместе с губернатором. Сыновей у него не было, брат служил в другом месте, а женщины на мужскую половину не заходили. И обеды, и ужины были весьма скромными: небольшая чашка жидкого супа без мяса, на второе - рис и отдельно к нему добавка - маленькое блюдечко с мясом, одно на всех. На каждого максимум два кусочка с ноготь большого пальца. Наконец, кисломолочные продукты с зеленью и чай с парой «печенюшек». Вот и всё. Позже узнал, что подобный «рацион» типичен для афганского чиновника, причем не из мелких.

Нередко после этой скудной трапезы советник звал меня к се-

бе в комнату для продолжения застолья. Мы доставали привезенные из Москвы консервы, резали копченую колбасу, а советник наливал себе и мне в стаканы спирт, привезенный им в огромном количестве в качестве подарка от друга - директора местного ликероводочного завода.

Работа была такой: мы с советником утром и днем ездили по разным партийным организациям, в т.ч. в воинские части и в подразделения Царандоя - местной милиции. Там советник выступал перед командным составом, а я переводил. Лекции были по марксизму-ленинизму, политэкономии и марксистско-ленинской философии. Материал он брал из разных учебников, порой даже школьных - «для большей понятности и лучшего восприятия». А по вечерам я, тихо чертыхаясь, переводил все это, стараясь подбирать такие слова, чтобы они были понятны для афганцев - вчерашних неграмотных крестьян. Я был убежден, что они не понимают ничего из того, что им пытались втолковать. Но все вели себя тихо и, казалось, были довольны тем, что получили хотя бы маленькую передышку от тяжелого труда в поле и дома.

Скоро советник понял, что ему нет смысла самому говорить по-русски и ждать перевода. Поэтому он поручил мне проводить лекции самостоятельно. Я бубнил переведенный мною очередной его опус, а слушатели мои деликатно покуривали в кулак и тихо шептались о чем-то своем. Друг другу мы не мешали, всякий раз они меня горячо благодарили, а на другой день все повторялось снова. Вопросов никогда никаких не было...

Обычно после обеда советник беседовал с местным партийным активом Народно-демократической партии Афганистана (НДПА - правящая тогда и единственная партия в Афганистане). Пытались подробно разбирать деятельность той или иной партийной ячейки в каждом из уездов и волостей провинции. Советник давал «ценные указания» по партийным делам, а я их переводил. Упор он делал на то, чтобы «научить афганских товарищей, как

проводить партийную работу в массах, как привлечь на сторону НДПА все большие слои трудового крестьянства и ремесленничества». На мой взгляд - это была очередная химера. Сам советник до приезда в Афганистан об этой стране ровным счетом ничего не знал. Честно говоря, и я почти не понимал до приезда туда, как живут афганские крестьяне, о чем думают, чего хотят.

В Советском Союзе было немало первоклассных специалистов по Афганистану - ученых, военных, дипломатов, страноведов, - благо долгая история традиционно добрососедских отношений двух стран этому способствовала. Но посылали в Афганистан и фигуры вроде моего начальника - людей, в общем-то, не то чтобы «серых», но для этого дела никак не подходящих.

...С активизацией военных действий работа стала принимать все больше характер составления сводок полувоенного характера: сколько членов партии убито, сколько перебежало к противнику и т.п.

Когда мы приехали в Афганистан, у власти в стране был Нур Мохаммад Тараки. Вскоре он отбыл на Кубу на саммит Движения неприсоединения. После Гаваны по дороге домой Тараки остановился в Москве, где его тепло принял Л.И.Брежнев, расцеловав в обе щеки. Однако вскоре после возвращения в Кабул он был свергнут Хафизулла Амином, который немедленно объявил своего бывшего соратника «предателем» и «американским шпионом». Вскоре Тараки по приказу Амина был задушен в тюрьме.

Тараки относился к когорте революционеров-романтиков и идеалистов, чем-то похожих на Че Гевару. Амин же был жесткий прагматик, к тому же авантюрист по натуре. По всем провинциям страны срочно разослали циркуляры, в которых утверждалось, что Тараки - шпион.

Так уж получилось, что мы с советником были в одной комнате с губернатором провинции, когда ему сообщили о перевороте. Губернатор тяжело опустился на стул, уронил голову на руки и зарыдал. Сквозь слезы сказал: «Это

только наш прозорливый товарищ Хафизулла Амин мог разглядеть предателя и шпиона в таком человеке». Он-то, бедняга, думал, как позже выяснилось, что переворот произошел при советской помощи и по указанию Кремля.

Тем временем активизировали свои действия моджахеды, которых афганцы, верные режиму НДПА, всегда называли просто «душманами» («врагами»). На крышу резиденции губернатора водрузили пулемет, во дворе поставили бронетранспортер немецкого производства еще времен Второй мировой войны. Около него постоянно дежурили несколько солдат. Службу они несли из рук вон плохо, загорали во дворе, бездельничали. Слава Богу, до боестолкновений с душманами дело не дошло - наши охранники просто разбежались бы.

Вскоре к нам присоединился и еще один советник - по линии КГБ со своим переводчиком, туркменом по имени Курбан, который поселился со мной в одной комнате. Резиденцию нередко обстреливали. Наше советское начальство вместе с губернатором приняли решение: мне с Курбаном по очереди по ночам дежурить на крыше у пулемета. Вдобавок к нам в комнату занесли ящик с гранатами: своей охране глава провинции не доверял.

...В конце ноября я заболел желтухой. Сначала не могли определить, что за болезнь, и мой советник принялся изгонять из меня «хворь» спиртом. Но от такого лечения мне становилось все хуже и хуже, температура зашкаливала за 40 градусов. Меня шатало, я ощущал слабость во всем теле. Вызвали местного врача. Он тут же определил: «болезнь Боткина в опасной форме». Необходимо срочная госпитализация - надо везти в Кабул, иначе возможен летальный исход.

Афганцы везти меня наотрез отказались. К тому времени обстановка уже серьезно обострилась. Перевалы по дороге от Газни к Кабулу были под огнем мятежников. Мой советник не умел водить машину и попросил о помощи советника КГБ. Но Курбан - его переводчик - не имел води-

тельских прав. Самолеты к нам тоже не летали - аэродром постоянно находился под обстрелом душманов.

На мое счастье, в тот момент в резиденции губернатора находился майор внутренних войск МВД - он обучал милиционеров Царандоя, а к нам приехал на какое-то совещание. Он трехэтажным матом высказался по адресу обоих советников и сказал: «Парня надо немедленно спасать». Сборы были недолги. Майор погрузил меня в свой УАЗик, и мы поехали. Не помню точно, как он меня вез, - я часто терял сознание. Очнулся уже в Кабуле, у военного госпиталя. Майор меня растормошил: «Приехали, Олег, нам подфартило - всего две пробоины».

В госпитале в основном работали советские врачи. Я попал в руки к хорошему специалисту. «Повезло тебе, парень, - сказал он. - Еще бы сутки-двое - не смогли бы откачать». Со мной лечились и наши ребята из посольства и торгпредства - их тоже желтуха не миновала. Через три недели меня выписали из госпиталя и велели оставаться до полного выздоровления в Кабуле, где я и пробыл почти полтора месяца.

В один из вечеров я был в гостях у своего приятеля из торгпредства. Когда пришло время возвращаться в гостиницу, заметил, что в районе президентского дворца все небо в каких-то огненных сполохах. Слышались глухие звуки взрывов, движение в ту сторону было заблокировано. Поймал с трудом такси до центра города, в гостиницу «Кабул», где жил. Мы свернули на одну из площадей в полукилометре от гостиницы и остановились - вся дорога впереди была перекрыта бронетехникой. Таксист отказался ехать дальше. И я - делать нечего - вылез и пошел пешком.

Зашел в одну из лавок и спросил у хозяина: что происходит? Лавочник сам ничего толком не знал: «Какие-то иностранцы к нам вторглись - наверное, пакистанцы, а может и американцы». Смотрю на технику - это оказались БМД и БМП (боевые машины десанта и пехоты), о которых я, человек невоенный, раньше ни-

чего не знал. Высунулся осторожно за дверь, посмотрел туда-сюда и вдруг услышал русскую речь. На броне сидели наши советские солдаты. Я подошел, поздоровался, представился и спросил: «Ребята, что происходит»? «Амина свергаем. Дадут приказ, и вся колонна туда двинется», - был ответ.

Только поздно вечером, в кромешной темноте добрался я до гостиницы. Наутро узнал о новой революции и приходе к власти Бабрака Кармаля.

В течение полутора месяцев своей кабульской жизни мне пришлось пережить мало кому сейчас известное «всемирное февральское восстание», как его тогда называли в западных СМИ; оно было направлено против присутствия советских войск в Афганистане. В самом Кабуле тогда был только наш небольшой гарнизон, который нес чисто охранные функции - всего два-три батальона. Все думали: Кабул вот-вот падет. Всех советских людей вооружили. Мы дежурили на улицах близ домов, где жили, две или три ночи, пока восстание не было подавлено. Жизнь в столице снова пошла своим чередом.

Тем временем врачи вынесли вердикт, что по состоянию здоровья я могу снова вернуться в Газни. Без сопровождения бронетехники тогда никто по афганским дорогам уже не ездил. В УАЗике, который шел на Газни, набилось столько народа, что мне не хватило места, обещали отправить на следующий день. Оно и к лучшему получилось - машина, на которую я не попал, перевернулась и свалилась в сухой арык - водитель не справился с управлением. Слава Богу, никто серьезно не пострадал. А на следующий день мне дали ключи от новенького УАЗика, чтобы заодно перегнать его в Газни - к тому времени я уже научился водить машину. Сел за руль и уже без всякого сопровождения погнал свой УАЗ в Газни.

Доехал благополучно. В Газни произошли кое-какие перемены. Моего прежнего советника отозвали в Союз - закончилась его полугодовая командировка. Новый советник тоже был по линии ЦК КПСС - второй секретарь ка-

кого-то обкома Азербайджана, но русский по национальности. Ему уже было под 70, тихий, спокойный человек с большим житейским опытом. Под моей койкой по-прежнему пылился ящик с гранатами - потом он куда-то задевался. А на аэродроме разместились наша десантная рота.

Как-то очень быстро я сдружился с командиром десантников - старшим лейтенантом. Звали его Андрей, а фамилии не помню. Мы были почти ровесники, земляки - Андрей тоже родом из Подмосковья. Несколько раз нам удавалось посидеть в местном ресторанчике. Вспоминали Москву, товарищей, девушек, говорили о современной музыке. Обстановка в Газни была спокойной - никто по ночам не стрелял. Несколько раз жарили на вертеле подстреленных солдатами сусликов - их было полно на поле аэродрома. «Неужели ты крысятину ел?» - ужасались мои московские родные и друзья. Я только посмеивался - мясо у сусликов сочное, очень даже вкусное, напоминает крольчатину.

Десантников недолго держали в Газни - относительно спокойном месте. В районе Джелалабада начались тяжелые бои, и их перебросили туда. Уже позднее узнал, что под Джелалабадом рота остановилась на ночлег, и среди ночи ее внезапно атаковали душманы. Десантники понесли большие потери - немногие остались в живых.

Я пытался выяснить судьбу Андрея, но узнать ничего не смог - может быть, читатели журнала помогут мне хоть что-нибудь о нем узнать... Шла весна 1980 года...

* * *

Олег Кузьмин еще несколько раз побывал в Афганистане, будучи уже корреспондентом информационного агентства ИТАР-ТАСС. Он встречал там советские войска в 1979-м и проводил их оттуда 10 лет спустя. Последний раз Кузьмину довелось побывать в стране в конце 90-х - в составе группы российских посредников, которые в Кандагаре вели переговоры с талибами об освобождении экипажа самолета Ил-76. Об

этой истории рассказывает известный фильм «Кандагар» (2007 г.).

АФРИКА, КОТОРАЯ ВСЕГДА С ТОБОЙ

О своей работе в Африке рассказывает Олег Жуков. В 1970-е годы - студент Института стран Азии и Африки (ИСАА) МГУ им. Ломоносова. Знаток двух языков - французского и бамана. В 1982-1983 гг. он работал в Мали в качестве переводчика группы советских военных строителей.

Африка встретила меня тяжелым, жарким воздухом. Такое впечатление, что в горло влетел зажженный комок ваты и застрял там. Дыхание остановилось, в глазах потемнело... Казалось, еще несколько мгновений - и потеряю сознание... До сих пор не пойму: то ли организм включил «режим самовывживания», то ли что-то другое привело меня в чувство.

На летное поле выкатил советский ПАЗик, из него резво выскочили наши ребята - командировочные группы советских военных специалистов - и деловито стали разгружать из «Ил-24» «нашу» часть привезенного из Бамако груза. В основном мешки с картошкой, капустой, морковью, ящики с традиционной тушенкой и с чем-то еще... Некоторые из встречающих были одеты в легкие куртки и вообще не обращали внимания ни на жару, ни на духоту. «Ну, уж если тут наши люди так легко адаптировались, значит жить можно, не задохнусь», - подумал я, и сразу как-то отпустило...

На этот же ПАЗик была благополучно погружена и наша, только что прибывшая группа, и мы направились в поселок военных строителей, расположенный на окраине городка Гао. Командировка началась...

Когда-то, два-три века назад, Гао был крупным торговым центром на континенте, перекрестком караванных путей. Но пришла цивилизация, с ней - новая техника: железные дороги, автомобили, самолеты. От верблюдов не отказались - они так и остались веч-

Наш самолет прилетел из Бамако.

ными «кораблями пустыни», но уже, как говорится, «транспортным средством районного масштаба»... Наша строительная группа занималась модернизацией взлетно-посадочной полосы аэродрома Гао, расположенного вблизи города.

Городок - это, конечно, громко сказано. Так, одноэтажные домики, как бы слитые в одну, общую постройку по обе стороны улицы в сотню метров длиной. Отдельно - дом коменданта, не вила с бассейном, а обычный дом. Тут же ремонтные мастерские и открытый кинозал с низкими кирпичными стенами и экраном. Под ним обычно, перед началом киносеанса, вповалку располагалась прибежавшая местная детвора.

По вечерам была классическая скукота, царящая обычно в городках, вроде нашего, затерянного на задворках планеты. В кино смотрели все подряд - от «Чапаева» до жизнерадостных индийских кинолент. С нашим самолетом как раз прибыла очередная партия относительно свежих фильмов, так что скукота была разбавлена «важнейшим из искусств». С тягучей скукой боролись с помощью алкоголя. Его к тому же принимали в качестве профилактики малярии - обычно это был джин «Три слона» от какого-то «интернационального производителя». К счастью, за все время моего пребывания в городке от него никто не отравился, да и соотношение «цена-качество» было приемлемым.

В 6.45 начиналась рабочая «поверка» с выдачей заданий на день - бульдозеристам, крановщику, операторам гудронного агрегата, дежурному по кухне. Двум женам строителей и нередко мне тоже «выпадал жребий» идти на местный рынок, закупать продукты.

Уже на этом этапе у переводчика было много работы. Каждое задание сопровождалось обстоятельными пояснениями, некоторые приходилось повторять по несколько раз, широко используя местные выражения, которые я здесь воспроизводить не решаюсь. Так я постепенно «набрался» местного сленга, лишний раз убедившись в правоте тех, кто рекомендовал: забудь все, чему тебя учили в институте, - учись здесь!

Впрочем, часть работы переводчика была достаточно серьезной и ответственной. Это письменный перевод на французский язык различных строительных инструкций, указаний, поступавших «из центра», т.е. из Москвы, пособий по работе с техникой и прочих нужных и не очень нужных бумаг. На русский переводились просьбы местных властей о поставках дополнительных материалов и техники, а также местные инструкции, которыми должны были руководствоваться рабочие из России, и юридические документы, касающиеся различных

Тот самый ПАЗик.

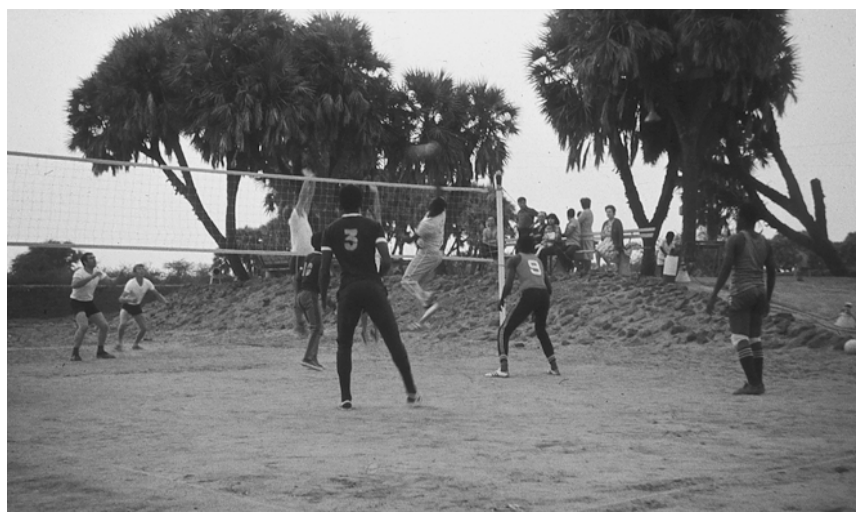
аспектов строительных работ. Думаю, что у большинства переводчиков, во всяком случае, в Африке, вся работа в этом и заключалась. Просто у кого-то ее было больше, а у кого-то - меньше.

В 10.00 подавали ПАЗик, и мы, т.е. переводчики, ехали на рынок за продуктами. Там было повеселей, ведь рынок - это лицо города, с особой атмосферой, непринужденным общением, где наши женщины наострились с помощью пяти-шести слов умело сбивать цену. Продавцы, в основном тоже женщины, среди которых были молодые и весьма симпатичные особы, торговались весело, и никогда не было понятно, в выгоде они остались или нет.

...Если ранним утром многие выходили на работу в куртках, т.к. было довольно прохладно, все-таки пустыня, то к полудню ситуация менялась. Особенно туго приходилось бульдозеристам, техника накалялась под африканским солнцем до 60 градусов, и тепловой обморок был обычным делом - ведь наши машины не имели даже простейших вентиляторов. Чтобы не обжечь руки о раскаленные рычаги, надевали перчатки, поливали себя водой (увы, тоже горячей) из пластиковых бутылок... За такую работу орденов и медалей не давали, но зато была зарплата с добавкой «климатического коэффициен-

та», которая помогала людям продержаться в таких условиях пару-тройку лет, скопив за этот срок, как говорится, «детямкам на молочишко»...

После обеда - обязательный отдых, африканский «мертвый час» до 16.00-16.30. Потом жизнь начиналась снова. В «красном уголке» нас знакомили с последними международными новостями, либо читали какие-то лекции. Затем шахматы, волейбол - ино-

гда с командой советских летчиков: славные ребята, натренированные, рослые. Среди нас только трое были под стать им - они-то и «вытягивали» игру.

Но настоящей отдушиной была охота. Примерно раз в две недели выезжали в саванну «на кабанов». Помимо снятия психологического стресса от тяжелой и монотонной работы, от охоты

был и иной эффект: мясо кабанов - просто великолепное по вкусу. К тому же, благодаря добытым «трофеям» не надо было покупать мясо на рынке.

Готовились к охоте загодя, потихоньку меняли у местного чиновника керосин на патроны и брали китайские карабины «в аренду». Чиновник просил привезти ему «в подарок» козочку, поскольку для местных свинина - табу.

Когда ездили на охоту, останавливались всегда в Ансонго - там была первая большая стоянка с ночевкой. Нас неизменно встречали местный старейшина г-н Мусса со своим ближайшим окружением - все в белых бубу и чалмах, вид - солидный и даже величественный.

Ансонго - мини-городок, тоже в свое время входивший в торговое сообщество и так же запустевший, как и Гао. Местное население живет в ужасных, на взгляд европейца, условиях: низенькие глиняные домики с песчаным полом. Из утвари - несколько разных котлов и кастрюль, и пять-шесть кувшинов. В каждом дворе - по шесть-восемь ребятишек раз-

Игра в волейбол с малийскими солдатами.

ного возраста и пола, а столь нужные «удобства» находились вообще непонятно где.

Но надо было видеть жизнерадостные лица этих детей! Да и женщины тоже вовсе не предавались тоске - вечно в заботах, они

что-то мололи в высоких кувшинах палками, напевали, беззлочно покрикивали на своих расшалившихся детишек.

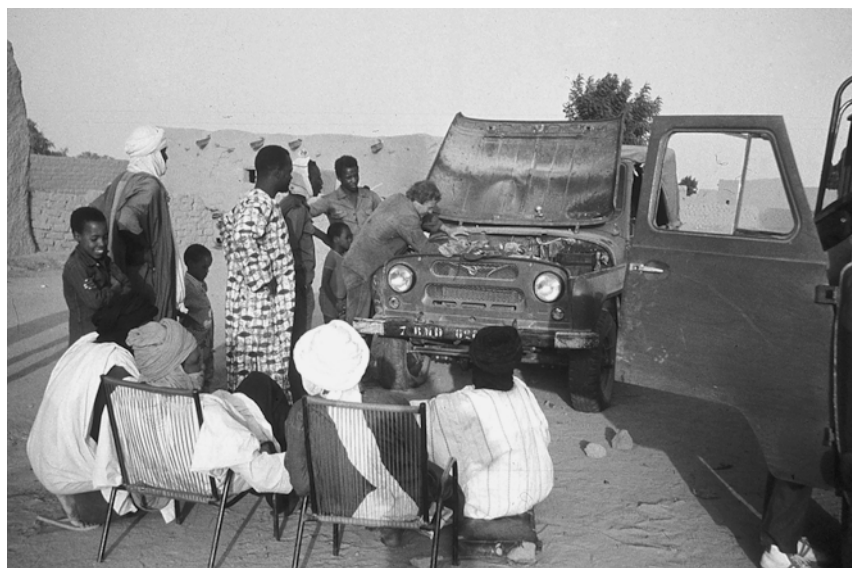
Надо сказать, что оптимизм и жизнерадостность - национальная черта малийцев. Наряду, увы, с определенным «пофигизмом». Вот пример. Как-то пришел к нам, русским, кто-то из местных, в глазах чуть не слезы: «Маме плохо! Мама умирает! Дай таблеток!» Судя по всему, мама простудилась. Мне в тот момент надо было срочно отъехать, и я попросил гостя придти через пару часов.

Вернувшись, нашел таблетки, подошел к воротам городка, стою, жду. Прошло не менее часа, никто так и не пришел. На другой день встречаю в городке своего нового знакомого: «Ну, как мама, болеет?» - «Ой, месье Олег, сильно болеет!» - «А чего вчера не пришел?» - «Да мы с друзьями ушли на дискотеку, я и забыл...».

В целом же никакого общения на бытовом уровне с местными не было. Малийцы жили сами по себе, а мы, советские, - сами по себе. Их на строящемся объекте работало чуть более двадцати, все семейные. Местного языка наши рабочие и специалисты не знали и не стремились узнать. Это были простые рабочие разных специальностей, числящиеся «по военному ведомству» и приехавшие в Мали «в порядке воинской дисциплины». Но были и высококвалифицированные военные инженеры, желавшие «заработать на «Волгу». Однако формально они все равно числились рабочими. Все были как бы равны, кроме коменданта-полковника, разумеется.

Среди наших рабочих были удивительные умельцы. «Коля-Картер», например. Николай был очень похож на тогдашнего американского президента Картера. Малийцы как увидели его, так сразу и окрестили «Картером».

В Ансонго Коля-Картер буквально за час с помощью нехитрых инструментов отремонтировал давно брошенный кем-то УАЗик. Нырнул в моторный отсек и загремел ключами. Прошло совсем немного времени, и «этот бесполезный кусок железа», как от-

зывались о нем малийцы, затахтел и вскоре перешел в режимное урчание. Вспыхнули фары. Малийцы радостно завопили как дети при виде «чуда» - а это и было рукотворное чудо: «Теперь у нашего старейшины будет свой автомобиль!»! В мгновение ока появилась «скатерть-самобранка» с огромным блюдом местного плова, дюжина пива и даже какая-то зелень. При свете фар вышедшего из глубокой комы УАЗика состоялся настоящий шумный многолюдный банкет в честь советского умельца.

Когда-то великая «советская империя» весьма ощутимо поддерживала африканские (и не только африканские) страны, принявшие идеологию марксизма-ленинизма и принципы социалистического обустройства общества. Кто-то - искренне, кто-то - из прагматических соображений. Чем руководствовались лидеры Мали, выступавшие за расширение контактов с Советским Союзом, сказать трудно. Но невозможно забыть, что сотни малийцев бесплатно учились в советских вузах, в военных училищах, женились на русских девушках.

Кстати, в тот период малийская армия считалась самой сильной в Западной Африке: кроме танков, пушек и самолетов, на ее вооружении были даже две ракетные установки «Печора». Другое дело, что половина танков была не на ходу, не все самолеты взлетали, а способной запускать ракеты была только одна установка из

Ремонт нашего УАЗа.

двух. Но кто об этом знал?.. Боеспособность армии считалась очень высокой, и на Мали никто даже и не помышлял нападать. Не говоря уже о том, что за спиной у этой страны маячила грозная тень «большого советского друга». Ну, а для ремонта и поддержания в более или менее боевом состоянии военной и другой советской техники как раз и направлялись в страну советские военные специалисты и их помощники - военные переводчики, в числе которых посчастливилось быть и мне.

...Прошло много лет. И теперь, сидя у окна своей московской квартиры, я гляжу вдаль, и передо мной возникают веселые, дружелюбные люди - малийцы; многих из них мне довелось узнать, а с некоторыми подружиться. А еще перед взором мысленно часто встает саванна. Над ней колыхается марево раскаленного воздуха, в котором миражом отражаются медленно идущие слоны, бегущие антилопы, застывшие фламинго и укоряюще смотрящие в мою сторону кабаны...

Из Африки невозможно уехать навсегда - она навечно остается в сердце.

(Окончание следует)